

Когда я вернулся, была среда,
Суставами тряс февраль.
В снегу пересошем,
 в осколках льда
Кишела звездная шваль.
И серая птица
 с мертвым лицом
Толпилась перед крыльцом.

В. Лейкин

Среда. Рита. Нижний Тагил

За темным окном бешено мчался снег. Не видно ни зги — только густые прочерки белого на черном, словно мелом сердитого учителя на классной доске.

Пурга летела вместе с поездом сквозь ночь, сопровождая Риту из Нижнего Тагила в Москву. Ее отражение слабо вырисовывалось в ослепшем стекле, подрагивая, будто призрак, будто она ненастоящая, будто ее вовсе и не было... Казалось, это острые, сухие копыя снега пронзили ее насквозь, изрешетили, убили.

Рита вздрогнула, передернула плечами: внезапно захотелось почувствовать свое тело — настоящее, не призрак за окном, — проверить, жива ли.

Жива! И на свободе. Что уже неплохо для начала...

Следовало бы спать, — на то и ночь! — но она никак не могла успокоиться, пила горячий чай, второй стакан, смотрела в окно и вспоминала этот, уже закончившийся день: как бросала в дорожную сумку вещи, почти не соображая, какие и зачем; как перегнала все важные файлы на забугорные «облака», — то есть Ин-

тернет-сайт, где можно хранить свои файлы и где их никто не найдет, — а в компьютере стерла все, абсолютно все! Она не была уверена, что Митя не приставил следить за ней кого-то из своих, что не перехватит ее в последний момент! А там и ее комп выложит на свой следственный стол, изучит содержимое и скажет: «Ну что, Маргаритка, попалась?»

...Митьку она встретила случайно, на улице.

Когда-то жили в одном дворе, и он, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, всегда засматривался на нее, соплюшку. Завидев ее издалека, принимался демонстрировать силу: прихватив пару щедрых пацанят за тонкие шейки, пригibal их к земле, вынуждая опуститься на колени, и смотрел на Риту победно, будто ждал, что она восхитится, а то и захлопает... Уже в свои одиннадцать лет Рита чуяла — Митька таким первобытным образом дар ей подносил, хотел понравиться. Он был не одинок: многие мальчишки старались понравиться маленькой красавице с темными блестящими кудрями и ярко-черными глазами, — но только Митька, гроза местных дворов, толстый, высокий и глупый, пытался завоевать ее благосклонность замашками начинающего пахана. Рита много раз пыталась поговорить с ним «по душам» — нехорошо, мол, обижать слабых, — а Митька исправно удивлялся: «Да разве я их обидел? Так, пошутил маленько!»

И Рита, качая по-взрослому головой, вздыхала: «Дурак ты, Митька!»

Ни от кого бы он не стерпел подобного оп-

ределения, — но, странным образом, Рита относилась к нему с легкой ноткой покровительственности, как взрослые относятся к несмышленишам, а он принимал это ее отношение почти благоговейно. Хулиганом и грозой дворов он, разумеется, быть не перестал, но в ее присутствии становился смиренным и даже добродушным.

К четырнадцати годам Рита превратилась в девушку, а Митьке к восемнадцати катило, замаячила перспектива армии. Из их отношений ушла детская простота, на ее место заступила мучительная неловкость: Митин взгляд преследовал Риту повсюду, но как только они встречались глазами, он старался спрятать, загасить неподдельную страсть-обожание. Рита стала его сторониться, выбирая окольные пути от подъезда к школе, но совсем избежать встреч с ним не могла. И его взгляд прожигал ее так, что хотелось бежать сломя голову, лишь бы подальше от чего-то тяжелого, душного, притаившегося в его глазах.

Однажды он все-таки решился. Подловил Риту на тропинке, приблизился. Его громадное тело нависло над ней, запах алкоголя обдал ее лицо... Митя с детских лет фасонничал доступным его разумению способом: демонстративно таскал с собой бутыль какого-то пойла, время от времени столь же демонстративно прикладываясь к горлышку. При этом пьяным Рита его практически никогда не видела... или он не показывался ей на глаза? А тут, видать, и в самом деле выпил «для храбрости». На мгновение

девочке стало не по себе, но она быстро страх прогнала: знала, что ничего плохого ей Митя не сделает. Если бы она захотела, он бы, пожалуй, на руках ее носил, любой каприз выполнял...

Проблема в том, что Рита этого не хотела.

— Торопишься, Маргаритка?

— Как всегда, Мить. Уроков куча.

— Слушай... Я человек простой, не умею сложно...

— Я знаю, — с легкой иронией улыбнулась она.

— Чего ты знаешь? — вскинулся он.

— Что ты простой, — энергично кивнула она в подтверждение своих слов. Ее блестящие волосы взвились и снова легко легли на плечи, Митя проследил за ними взглядом.

Он подумал, не зная, как реагировать, и решил, видимо, в тему не углубляться.

— В общем, я сразу к делу... Давай гулять вместе, Маргаритка? Я тебя с детства... Ну, это... В общем, ты мне как сестра... и даже больше...

Он сконфузился, сбился, но вскоре продолжил:

— В общем, ты девушка что надо. Я хочу с тобой... В общем, чтоб любовь у нас была. И чтоб ты меня из армии ждала. У меня деньги есть, одену тебя, как принцессу... А то ходишь, нищета-нищетой, такой красивой девчонке нужны тряпки хорошие... Хочешь, прямо сейчас в магазин поедем? И колечко тебе куплю золотое, если ждать пообещаешь из армии... Поедем?

— Мить, ты чего, с дуба рухнул? Какая любовь, я же маленькая еще, ничего про любовь

не знаю! — произнесла она детским голосом. Интонацию эту детскую она нашла неожиданно для самой себя, интуитивно, как средство защиты.

Но втуне: на Митю она не подействовала. Он вдруг наклонился к ней и произнес с неповторимым выражением вожделения и обожания:

— Я тебе расскажу об этом, Маргаритка, хочешь?

Она быстро замотала головой.

— Да ладно врать! Все девчонки хотят узнать!

— Вот и рассказывай им!!!

— Кому? — не понял Митя.

— Тем девчонкам!

— Рит, я тебя хочу, другие мне по... по фигу. У меня к тебе отношение особое, Маргаритка... Ты подумай, ты не отказывайся! Все равно скоро пора придет, лучше у тебя буду я первым... Я тебя не обижу! Я знаю, как тут у нас некоторые... Парни и девчонки... — Митя замолчал, он явно искал слово — не матерное, — чтобы обозначить, чем занимаются «парни и девчонки», но не находил. — В общем, тебе лучше со мной, чем с каким-нибудь малолетним чмо, понимаешь?

— Нет.

Рита вскинула на него черные глаза с удивлением. Конечно, она поняла, на что намекал Митька, и ей было стыдно и неприятно оттого, что он говорит с ней на *такую тему* практически без обиняков, как со взрослой, — потому она предпочла сделать вид, что не догадывается о смысле его слов.

— Ну чего ты... Как маленькая... ты же знаешь, что бывает между мужчиной и женщиной?

— Знаю... — осторожно ответила она. Врать бессмысленно: кто же в четырнадцать лет этого не знает! — Но я не женщина. Я девочка, Мить! Ты приди в себя, а?

— Ты все равно скоро станешь женщиной, кто-нибудь тебя да трахнет! — Митя начал злиться. — У нас тут после пятнадцати целок нет, все дырявые! Так лучше ты это со мной... Тебе же лучше, дур... дурочка!

Рита вспыхнула от неловкости и негодования.

— Нет, ну ты точно рехнулся! Пусти! — Она отодвинула огромную тушу плечиком и направилась к своему подъезду.

— Ритка! Стой!

Но она только ускорила шаг.

Он нагнал ее в два скачка, крепко схватил за шею, силой развернул к себе.

— Ты не поняла... Я тебе любовь свою и дружбу предлагаю, а это дорогого стоит, Маргариточка, этим не бросаются! И деньги тебе буду давать, у меня их много, а станет еще больше... Королевой будешь со мной!

— Ми-тя, — отчеканила она, — мне четырнадцать лет! Ты чего-то не то съел с утра!

— Ладно, — вдруг согласился он, — я чего-то правда... Ты такая красивая, и взрослой кажешься... А ты еще, конечно, соплюшка... Тогда давай просто дружить, Рит!

Но глаза его горели и совсем не то говорили...

— Да мы вроде и так друзья, — несколько преувеличила Рита степень близости их отно-

шений, ища способа избавиться от этого неожиданного нашествия.

— Я имею в виду... В кафе будем ходить вместе... Или куда захочешь!

— А разговаривать будем о чем? — фыркнула она.

— *Разговаривать?* А зачем нам... Ну, я тебе про кино расскажу последнее...

— Митя, ты тупой. Как был тупым, так и остался. Не буду я с тобой в кафе ходить, и никуда не пойду, понял? Пусти, мне уроки надо делать!

Неизвестно, чем дело бы кончилось, но вскоре Митя ушел в армию. Пока он служил, его семья переехала, и вернулся он в родительский дом уже по другому адресу. Пару раз Рита все-таки видела его в своем дворе, но он только коротко зыркнул на нее и прошел мимо.

«Слава богу, — подумала она тогда, — излечился...»

* * *

...И вот встретились, спустя тринадцать лет. Рите двадцать семь, ему тридцать один. Совсем взрослые.

— Ритка! — заорал он. — Маргаритка, это ты, что ли?! Еще краше стала, блин, ну офигеть просто!

Рита и в самом деле изменилась со времен их общения: из мелкой худышки превратилась в статную женщину с выразительными формами.

Митя же растолстел. Вернее, он и в детстве был довольно толстым, но скорее мясистым,

чем жирным. Теперь же к непомерной его мясистости прибавился жир, пузо нависало над брюками, а щеки над воротником. Он напоминал хряка, сильного и мощного, несмотря на слои тяжелого сала. Или, наоборот, благодаря им.

...Детские воспоминания способствуют размягчению души... И, похоже, мозгов тоже. Рита с ним обнялась и согласилась посидеть вечером в ресторане.

И даже когда он похвастался, что дослужился до начальника районного отделения полиции, — скоро звание полковника получит! — она не напряглась: не ждала от Митьки подвоха. Наоборот, порадовалась: не бандитом стал, как можно было бы ожидать, не братком, — а стражем правопорядка!

Конечно, Рита читала в Интернете, что вытворяют «стражи правопорядка», но в целом ее отношение к ним было *правильным*, — таким, как воспитали родители: «моя милиция меня бережет». То есть в ее глазах это правильная организация, основанная на правильной идее, а всякие «оборотни в погонах» — это всего лишь отдельные «неправильные» случаи...

Позже она сильно пожалела, что пошла на поводу у своего детского идеализма, что не насторожилась вовремя: ведь Митя *начальник РУВД*, — то есть власть.

ВЛАСТЬ. То, что в одну секунду может поднять твою жизнь под себя.

Но тогда, когда они столкнулись на улице,

он был улыбочив, доволен собой, добродушен. Разве могла Рита подумать, что его детская любовь вдруг всколыхнется? Что отомстится ей и за прошлое к нему равнодушие, и за нынешнее?

Она согласилась с ним поужинать, — ну как же, друг детства... «А помнишь, как я тебя портфелем огрела? — Еще бы! Никто бы себе не позволил такого, только ты, Маргаритка!»

Вечер наполнился разговорами, в которых чуть не каждая фраза начиналась с милого «а помнишь, как...».

Да только после ужина Рите пришлось вырываться, когда он подпихивал ее к своей навороченной черной машине.

— Митя, ты с ума сошел? — недоумевала она. — Я же из дружеских чувств, я не имела в виду...

— Я тоже, я из *дружеских*... — тяжело дышал ей в лицо подвыпивший за ужином хряк. — Я всегда к тебе эти... дружеские... испытывал... Поехали ко мне, королевой будешь, Рита! Все для тебя сделаю, я все могу теперь, слышишь? Поехали, поехали-и-и!!! — сладострастно постанывал он.

Ее воротило от его хриплого алкогольного дыхания, от натиска его могучей плоти, — а он сжимал ее локти так, словно собирался заломить их и связать, как преступнице, и напирал, напирал, подталкивая ее к черной иномарке с тонированными стеклами.

Рита поняла, что если она окажется внутри, то прямо там он ее и изнасилует.

Собрав все силы, она вывернулась из его мощных рук, из его толстых пальцев. Как мож-

но спокойнее произнесла: «Митька, ну ты прям как в детстве! Помнишь, как мы с тобой у качелей подрались?» — Она заставила себя улыбнуться.

— Я бы и сейчас с тобой не отказался подражаться, — тяжело, страстно проговорил он. — В постели... Поедем! Ублажу тебя, не пожалейшь!

Рита окончательно поняла, что вляпалась.

— Ты сошел с ума, — холодно произнесла она. — Я замужем. Ты за кого меня принимаешь?!

— Замужем? Ты? — Он посмотрел на ее руки.

— Обручальное не ношу, не люблю, — ответила на его невысказанное сомнение Рита.

К счастью, на пальцах у нее не было ни одного кольца: она действительно их не любила.

Митя помолчал. Затем в светлых глазах его промелькнуло что-то похожее на черную молнию: он не знал, сказала ли она правду... Но ему, начальнику ментов, проверить легко, и, если Рита солгала, туго ей придется, — вот что означала черная молния.

А она-то как раз и солгала.

Митя сделал еще две попытки добиться свидания с ней, — уже было яснее ясного, какого именно, даже если речь шла вроде бы только о шикарном ресторане.

В первый раз Рита сослалась на дела, в другой — на недомогание...

— А ты ведь не замужем, — произнес Митя. — Лгунья. Ну, пеняй на себя!

И он отключился.

А через несколько дней Рита получила повестку в налоговую инспекцию. Ляпнула ему тогда, при первой встрече, забыв об осторожности, что работает она частным образом программистом, на заказ...

...В многодетной семье она была старшей, из шумного, бедного дома постаралась вырваться как только смогла. И зачем люди, не имеющие средств, заводят столько детей? Еще пятеро, помимо нее, — с нею шесть, — да плюс родители, итого восемь человек на три комнаты да шестиметровую кухню! Все друг у друга на голове, все вразнобой: кому музыку хочется слушать, кому уроки надо делать; у одного живот болит, у другого сопли; тот спать собрался, а этому телевизор посмотреть охота... Родители стояли, конечно, в очереди на улучшение жилищных условий по государственной программе, — да когда еще дождутся? Квартиры из фонда уходили за взятки тем, у кого и так денег навалом...

Мама с папой мыслили себя великими педагогами. Оба работали в школе, где их передовые идеи сталкивались с непониманием коллег и директора. И тогда они решили вырастить образцовых детей в семье. Для этого им не хватило бы одного ребенка, ни даже двух: им требовался *коллектив* детей, который они жаждали научить разумному, доброму, вечному. У них имелись разработки, особые развивающие программы-игры, благодаря которым Рита начала читать, делать простые арифметические упражнения и немножко говорить по-английски в че-